

Дискурсивный комплекс *и да* как диалоговый актуализатор в современной русской речи

Елена Вячеславовна Маринова¹, Александр Васильевич Зеленин², Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород)¹, независимый исследователь (Финляндия, Тампере)², marinova@list.ru¹, aleksandr.zelenin@tuni.fi²

DOI: 10.31857/S0131611724050018

АННОТАЦИЯ: Рассматриваются семантические и прагматические особенности дискурсивного комплекса *и да*. Актуальность исследования объясняется активным вхождением *и да* в современную речевую практику, различные жанры и стили на протяжении последнего десятилетия, чего не наблюдалось ранее. Новизна исследования заключается в том, что элемент *и да* впервые становится объектом лингвистического анализа. В словарях и справочниках *и да* не зафиксирован, что также свидетельствует о новизне представленного в статье материала, который извлекался из «Национального корпуса русского языка» и электронного медиабанка «Интегрум». Использовались также личные наблюдения авторов. Цель исследования — определить семантику и прагматическую нагрузку комплекса *и да* в монологической и диалогической речи; выявить его парадигматические связи в русском языке. Исследование выполнено в рамках структурно-описательного метода с помощью семантического, синтаксического и контекстного анализа. В результате установлена основная дискурсивная роль комплекса — поддержание диалогичности речи в режиме «отложенного ответа», что позволяет считать *и да* маркером обратной связи. Дискурсивный комплекс *и да* включает реального или потенциального (в случае с монологом) собеседника/оппонента в дискурс, выполняя роль диалогового актуализатора, при этом ядерная сема комплекса (‘согласие’) может поддерживаться контекстом эксплицитно, а в качестве адресата согласия может

выступать не только «другой», но и сам говорящий. Делается вывод о риторическом потенциале *и да* в монологической речи. Зафиксированные в ходе исследования варианты пунктуационного оформления комплекса *и да* свидетельствуют о необходимости его дальнейшего изучения и создания теоретической базы для последующей кодификации в справочниках по пунктуации. Предлагается гипотеза о появлении *и да* в русском языке в результате калькирования английского оборота *and yes/yeah*, имеющего интернациональный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивный комплекс *и да*, неологизм, русский язык, сигнал обратной связи, семантика согласия, диалоговый актуализатор, «и нет», калька, *and yes/yeah*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маринова Е. В., Зеленин А. В. Дискурсивный комплекс *и да* как диалоговый актуализатор в современной русской речи // Русская речь. 2024. № 5. С. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724050018.

Issues of Modern Russian Language

Discourse Complex *i da* ‘and yes’ as a Dialogue Actualizer in Modern Russian Speech

Elena V. Marinova¹, Aleksandr V. Zelenin², Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russian, Nizhny Novgorod)¹, independent researcher (Finland, Tampere)², marinova@list.ru¹, aleksandr.zelenin@tuni.fi²

ABSTRACT: The article examines semantic and pragmatic features of the discursive complex *i da* (“and yes”). The relevance of the research is explained by the active inclusion of *i da* in contemporary speech practice, various genres and styles over the past decade, which was not observed before. The novelty of the research lies in the fact that the element *i da* becomes the object of linguistic analysis for the first time. This study contributes to the understanding of the discursive complex *i da* in the context of modern linguistic practices. The findings of this research can be beneficial for further linguistic studies and practical applications. The element *i da* is not recorded in dictionaries and reference books, which also testifies to the novelty of the

material presented in the article, which was extracted from the “National Corpus of the Russian Language”, the electronic media bank “Integrum”. The paper is also based to some degree on the personal observations of the authors. This study provides a fresh perspective on the linguistic element *i da*, contributing to the existing body of linguistic research. The research was conducted within the framework of the structural and descriptive method using semantic, syntactic, and contextual analysis. As a result, the main discursive role of the complex *i da* was established, i. e., maintaining the interactive nature of conversation through a ‘delayed response’ mechanism, which allows considering *i da* as a feedback marker. The discursive complex *i da* involves a real or potential (in the case of a monologue) interlocutor/opponent in the discourse, performing the role of a dialogic actualizer. The core sense of the complex (‘agreement’) can be explicitly supported by the context, and the addressee of the agreement can be not only the ‘other’ but also the speaker himself. The study reveals the rhetorical potential of *i da* in monologic speech. This research provides a comprehensive analysis of the discursive complex *i da*, highlighting its role in dialogic actualization and its rhetorical potential in monologic speech. The variants of punctuation design of the complex *i da* identified during the research indicate the need for its further study and the creation of a theoretical basis for subsequent codification in punctuation guides. The study proposes a hypothesis about the appearance of *i da* in Russian as a result of calquing English phrases *and yes* / *and yeah*, which are of international nature. This research emphasizes the importance of further investigation into the discursive complex *i da*, its punctuation variants, and its origins in the Russian language.

KEYWORDS: discursive complex *i da*, neologism, Russian language, feedback signal, semantics of agreement, dialogue actualizer, *i net* “and no”, calque, *and yes/yeah*

FOR CITATION: Marinova E. V., Zelenin A. V. Discourse Complex *i da* ‘and yes’ as a Dialogue Actualizer in Modern Russian Speech. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 5. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724050018.

Введение

В современной лингвистической науке интерес к различного рода дискурсивным элементам по-прежнему растет, что объясняется объективными причинами, в том числе гносеологического характера. Одна из причин вызвана явлением, получившим название **глубокая медиатизация** (влияние СМИ на все сферы жизни общества и индивида) [Couldry, Нерп 2017]. Интенсивное и экстенсивное изменение публичного речевого пространства, расширение сфер коммуникации за счет Сети привели к появлению

новых типов дискурса, к множественности речевых практик и, как следствие, к востребованности говорящих/пишущих в различных дискурсивных приемах. В этих условиях дискурс как важнейшее коммуникативное состояние языка, связывающее его носителей с «текучей» действительностью повседневности, становится ценным источником информации для лингвистов, изучающих языковые изменения и функционирование единиц языка в речи. Что же касается гносеологической причины, то она связана с недостаточной изученностью «словесной мелюзги» (К. И. Чуковский), которую не всегда фиксируют словари, что побуждает ученых более пристально относиться к этим незаметным, но незаменимым кирпичикам словесных конструкций. Тем более заслуживают внимания новые или относительно новые дискурсивные элементы, ставшие распространенными, частотными в современной речи и требующие специального описания.

Таким элементом является дискурсивный комплекс *и да* (с ударным *да*), который, по нашим наблюдениям, стал проявлять активность совсем недавно — во всяком случае ни его фиксацию, ни факт его лингвистического описания мы не обнаружили ни в одном источнике, включая специальную литературу, посвященную дискурсивам (средствам организации дискурса в процессе его развертывания, служащим для поддержания коммуникации), прагматическим маркерам (единицам языка, функционирующим в устной коммуникации и выполняющим в ней специфические функции — поиск слова, заполнение пауз и др.), коннекторам (средствам синтаксической связи), частицам, (мета)коммуникативам (речевым формулам коммуникации, используемым в определенных стандартных ситуациях общения, в том числе для привлечения внимания собеседника), слову *да* и другим ответным репликам и т. д. и т. п. Вот далеко не полный список источников, в которых мы искали «речевой портрет» заинтересовавшего нас дискурсивного комплекса [Баранов 1987; Богданова-Бегларян и др. 2021; Гришина 2011; Инькова 2018; Левонтина 2022; Николаева 1985; Прияткина 2001; Сяоин 2019].

Согласно «Национальному корпусу русского языка», в российской прессе *и да* начинает использоваться в 90-е гг. XX в.; первые же употребления с ним в устной речи датируются в соответствующем подкорпусе 2010-ми гг. По данным мониторинга различных агрегаторов новостей (всего 16¹), проведенного в ходе исследования с помощью одного из

¹ Агрегатор, или интернет-агрегатор, — сайт, собирающий благодаря специальным программно-аппаратным средствам данные из множества других источников информации. Коммерческий электронный медиабанк «Интеррум» осуществляет мониторинг следующих агрегаторов: «@ASTERA», «Mail.Ru — Новости», «MSN Новости (русская версия)», «Re-Port.ru», «Рамблер — недвижимость», «InThePress.Ru», «iToday.Ru», «Press-Release.Ru», «PublisherNews.ru», «Городской портал. Краснодар», «Городской портал. Ростов-на-Дону», «Пресс-релиз» (PR.Adcontext.Net), «123ru.net», «AllToday.Ru», «Lenta.co», «eTatar.ru».

сервисов электронной базы «Интегрум», активная фаза распространения в русскоязычных СМИ отмечается с 2015 г. В настоящее время *и да* мы наблюдаем в текстах самых разных жанров, в монологической и диалогической устной и письменной речи. Вот как, например, это может звучать в монологе телеведущей:

(1) — *Добрый вечер, дорогие друзья! В прямом эфире Первого канала — главный вокальный проект страны «Голос», и с вами я, Яна Чурикова. Сегодня у нас финал. Сегодня решится все, и очень скоро мы узнаем, кто же займет место на пьедестале, чья мечта сбудется. Напоминаю, за победу сегодня будут бороться четыре невероятно крутые вокалистки. Каждая из них — лучшая в своей команде. И да, такого, женского финала не было аж с первого сезона...* (Голос. Первый канал. 02.06.2023). Обратим внимание на то, что *и да* звучит уже на первой минуте очередного выпуска программы, причем не в диалоге, а в приветственном слове ведущей, которая таким образом как будто бы «моделирует» ситуацию диалога, поддерживая (усиливая) контакт со зрителями, а сам комплекс выступает в роли маркера намеренного вовлечения в диалог аудитории.

Итак, **цель** исследования — определить семантику и прагматическую нагрузку комплекса *и да* в монологической и диалогической речи, сформулировать гипотезу о пути его появления в русском языке.

Материал и проблематика исследования

Источниками исследования послужили «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ); электронный медиабанк «Интегрум»; личные наблюдения (ЛН), с которых и начался интерес к теме у обоих авторов. Мы «споткнулись» об *и да* в дружеской переписке с коллегами по электронной почте. Однако раньше такого оборота в переписке не встречалось. То, что следует за ним дальше, не считая обращения (*И да, Лена,..; И да, Саша,..*), мы интерпретировали как отложенный во времени ответ на когда-то заданный вопрос и решили рассмотреть и другие случаи употребления *и да* в речи. Что это за случаи?

Интересующая нас единица встретилась

- в переводной литературе²:

(2) *Пока ни одно из его (пелевинских. — Е. М., А. З.) более поздних произведений не превзошло по новаторству идеи и художественной форме*

² В рамках настоящей статьи мы сочли правомерным рассмотреть переводы англоязычных авторов (см. также примеры 8, 14) в одном ряду с русскими текстами, поскольку считаем (и далее об этом будет сказано несколько подробнее), что оборот *и да* актуализировался в русской речи под влиянием английского дискурсивного комплекса *and yes/yeah*.

«Чапаева и Пустоту», а в качестве образцов социально-культурной критики все написанные поздние тексты, пожалуй, уступают «Generation “П”»... **И да** — в 2010-е годы, в отличие от 1990-х и 2000-х, Пелевин написал больше посредственных, чем удачных произведений (Хаги С. Пелевин и несвобода. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 355);

- в прозе российских авторов, напр.:

(3) Нет смысла искать разумное объяснение поведения Анны. Здесь все сошлось: ревность к Сорокиной, злость на мать Вронского, на самого Вронского, который тем не менее должен поехать к матери, чтобы подписать раньше срока (по настоянию самой Анны) подготовленные бумаги; панический страх потерять Вронского; **и... да**, двойная доза опиума (Басинский П. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, 2023. С. 304);

- в российских сериалах и телепрограммах (см. пример 1);
- в устной разговорной речи повседневной коммуникации:

(4) Е. М. А Вам «Гомеовокс» помогает?

Е. Д. Ну как сказать... ну... Первый раз, когда со мной это случилось, я много чего попробовала. **И да**, помог... (запись устной беседы от 21.10.2023).

Но, безусловно, основной массив примеров извлекался уже целенаправленно из корпусов и составил в целом свыше 1500 контекстов. В ходе анализа нам пришлось пренебречь заметным разнообразием письменного оформления оборота (сам же разноречив объясняется, по-видимому, отсутствием регламентации по написанию *и да* в справочниках по правописанию). Зафиксировано несколько вариантов оформления *и да* на письме. Варьируется пунктуация **после** него (см. примеры 5–8) и **внутри** — между *и* и *да* (10–11):

И ДА,

(5) Мои собственные деды и прадеды, возможно, тоже лежали в этом яру. Это моя личная история, как и для многих других жителей Томского края. Другое дело, что до сих пор нет памятника репрессированным в Колпашево. **И да**, Сергей Пархоменко здесь прав: это упрек ко всем нам... (Д. Рощеня. Василий Ханевич: «Колпашевский яр — символ нашего забвения» // Православие и мир. 06.11.2015).

И ДА —

(6) ...я работаю над собой и мечтаю быть такой же смелой, как моя преподавательница в Лондоне. Желаю каждой из нас быть такой смелой. **И да** — даже мальчикам не бояться быть «одной из нас» (А. Имж. Гендерный обман // Сноб. 07.03.2018).

И ДА:

(7) Проводник Иван, кстати, ошибся или что-то напутал: лет ей было не больше двадцати трех; разве что в трауре она выглядела старше. **И да:** она была чрезвычайно хороша собой (С. Шикера. Египетское метро // Boga. 2016).

И — ДА!

(8) Прекрасное юное тело прижималось к нему, его лицо окунулось в волну темных волос, **и — да!** невероятно — она запрокинула голову, и он целовал ее раскрытые алые губы (Дж. Оруэлл. 1984).

И, ДА,

(9) ...для многих поздний застой 80-х с его тупым потребительским мещанством... оказался привлекательнее драйва, внутренней свободы, творческих поисков **и, да,** бытовой неустроенности шестидесятых (И. Н. Виравов. Андрей Вознесенский. 2015).

И — ДА,

(10) Ах, вправду — кто бы меня привел в вертикальное положение! **И — да,** ускорил... (И. Васюченко. Хромые на склоне // Ковчег. 2014).

И... ДА,

(11) И спустя мгновение принцесса преобразилась. Боже, как она была прекрасна! Они посмотрели друг другу в глаза **и... да,** это была любовь с первого взгляда! (С. Седов. Доброе сердце Робина // Мурзилка. 2002).

Отсутствие единообразия в пунктуационном оформлении *и да* даже в однотипных синтаксических конструкциях (см., к примеру, 9, 10) свидетельствует о необходимости изучения данного комплекса и создания теоретической базы для последующей его кодификации в своде пунктуационных правил.

На первый взгляд может показаться, что *и да* лишь расширяет состав обширного в русском языке синонимического ряда оборотов, служащих для подтверждения предыдущего утверждения, акцентирования идеи и под., таких как: *и действительно, и конечно, и разумеется, и естественно, и безусловно, и без сомнения, и вправду*. Эти и многие другие средства (список здесь далеко не исчерпывающий), различаясь отдельными оттенками значения и/или стилевой принадлежностью, давно уже бытуют в русском языке в качестве просодически выделенного маркера продолжения темы. Однако, как нам представляется, функционал *и да* все же шире, что мы и постараемся показать далее. Кроме того, в современной русской речи у этого дискурсивного комплекса обнаруживается коррелят, выражающий, напротив, **несогласие** с реальным/воображаемым собеседником; см.: *Да, в старости я соберу своих кошек с улицы и уеду с ними*

в Индию. Но какое вам дело до этого? **И нет**, это не забота о ближнем, а скорее желание убедить другого человека, что он живет неправильно (Интересная Ухта. 12 июня. 15.15. https://vk.com/wall-193190749_21378). У синонимичных оборотов подобный, соотносительный по структуре «антоним» отсутствует.

Семантика дискурсивного комплекса И ДА

Независимо от того, в монологической речи используется *и да* или в диалоге, его положением в тексте (фразе, реплике) является **интерпозиция**. Он располагается

А. между предложениями, как в 1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, а также:

(12) *Теперь финальный рывок: Мурманск — Териберка. Как вы уже поняли, ж/ветки туда нет. **И да**, Максим, я отправил кучу сообщений руководству РЖД, чтоб рельсы до Териберки проложили, но — увы)) Туда есть общественный транспорт (соцсети ВК. К. Плеханов. https://vk.com/wall560262864_324?ysclid=m0tt31cxuo275396629. ЛН);*

В. между однородными членами предложения, как в 3, 7, 10, 11, а также:

(13) *Для этого нужно быть... внимательным... ходить **и да...**/ внимательно смотреть и слушать (Прогулка по городу. 2007).*

Интерпозиция анализируемого дискурсивного комплекса объясняется его структурными и семантическими особенностями. Прежде всего, *и да* является маркером **продолжения** (А) темы или (В) мысли. Этот компонент значения задается (при)соединительной семантикой первого компонента — слова **и**. Второй компонент — ударное **да** выражает согласие/подтверждение, включая тем самым в дискурс **реального** (в случае диалога, как, напр., в 12: *И да, Максим,..*) или **потенциального** собеседника/оппонента (в монологической речи) как будто бы в режиме «отложенного» ответа, «отложенной» реакции. См. еще один характерный контекст:

(14) — *У тебя волшебный котик? А **можно** его погладить?*

— *Спрашивайте меня, если вас не затруднит, — надменно ответил Гус. — Она мне не хозяйка. **И да, можно**, если у вас руки чистые (Вебб Х. Роуз и тайна магии. 2020. <https://clck.ru/39djsxR>).*

Как видим, прямой ответ Гуса на вопрос следует не сразу, а после обращения к собеседнику с просьбой и некоторого разъяснения по поводу условий дальнейшей коммуникации.

Отметим, что **в диалоге** — вымышленном, как в художественном произведении, или реальном (в устной и неформальной сетевой коммуникации) — *и да* соотносится либо с так называемым общим вопросом

в предыдущей реплике, выражая простое подтверждение, как в 4 (*и да, помог*) и 14 (*и да, можно*); либо с утвердительным предложением, содержащим мнение собеседника. В последнем случае модальность *и да* несколько иная. Если в ситуации «вопрос — ответ» ответная реплика ожидается с позиции собеседника, то при отсутствии вопроса *и да* предвещающее согласие с высказанным чужим мнением фразеологизируется, становясь своего рода «риторическим ответом» — ответом, не предполагающим вопрос. Роль *и да* в развертывании диалога становится более значимой: маркируется важность темы, к которой возвращается говорящий, и одновременно солидарность с собеседником. Такой дискурсивный ход наблюдается, например, в жанре интервью или полилоге участников телевизионного шоу.

Рассмотрим с этой точки зрения фрагмент интервью с психологом Александром Поддьяковым. Речь идет о воспитании в детях активного познавательного отношения к миру. Интервьюируемый утверждает, что исследовательское поведение ребенка должно быть самостоятельным, что вызывает у журналиста сомнение. «Он может научиться плохому и вредному», — возражает журналист. Развивая свою мысль о самостоятельности ребенка в познании мира, Поддьяков приводит различные доказательства и в конце концов подтверждает, а не оспаривает мнение журналиста:

(15) *Формирование творческого мышления и тем более творческой личности с заранее заданными свойствами невозможно. Один человек может учить другого творчеству, если они оба талантливы, но взаимодействие двух талантливых людей всегда будет... непредсказуемым. И да, вы совершенно правы, все это может плохо закончиться...* (А. Константинов. Трудно быть человеком // Русский репортер. 2015).

Эксплицитно выраженное согласие «вы совершенно правы» дублирует здесь семантику *и да* (см. также пример 5), подчеркивая, что речь идет именно о высказанном ранее чужом мнении, которое с некоторыми вариациями воспроизводится.

В **монологической речи** фразеологичность и дискурсивная нагрузка *и да* еще более заметны. Собеседник здесь ирреальный, он только мыслится говорящим, представляясь ему либо единомышленником, либо оппонентом. И в том, и в другом случае *и да* служит эмфатическим средством: следующая за ним мысль выделяется за счет того, что *и да* актуализирует диалогическую ситуацию, вводит позицию читателя/слушателя как непосредственного участника коммуникации, усиливает диалогичность повествования, имманентно присущую, согласно теории М. М. Бахтина, любому высказыванию.

Так, в примере 3 *и да* предшествует последнему компоненту перечислительной конструкции (*ревность..., злость..., страх... и... да*, двойная доза опиума), что усиливает его смысл. В то же время это *и да* отсылает читателя к ранее сказанному, а именно к фрагменту, в котором автор излагает «чужую» точку зрения. Вот этот фрагмент: «В последнее время бытует модная точка зрения, что Анна совершила суицид в состоянии наркотического опьянения, что под конец романа она стала чуть ли не наркоманкой» (Басинский П. Подлинная история Анны Карениной... С. 294). Комплекс *и да* в (3), таким образом, обозначает ситуацию **диалога**: он как будто маркирует реплику, специально адресованную предполагаемым оппонентам. С этой точки зрения *и да* можно интерпретировать как сигнал **обратной связи**³. Нельзя не отметить и текстовую функцию комплекса *и да* в этом примере, а также в примере 2 (тоже монологическая речь): отсылая к предшествующему тексту, *и да* выступает как своеобразная многофункциональная текстовая скрепа.

Наконец, еще один не редкий случай использования *и да* в современном дискурсе. Семантика согласия сохраняется, однако его адресатом выступает сам говорящий. *И да* здесь звучит как «да» самому себе, реализуя интенцию **самоубеждения**, причем с типом речи (диалог, монолог, диалог с самим собой, как в 18) такое употребление *и да* не связано. Вот несколько иллюстраций:

(16) Ника. *Причем/ я сижу такая/ февраль месяц/ наверно/ скорей всего ее не будет/ как обычно. И да/ так и есть. Ты видела сегодня мы с этой рамсили* (ссорились. — прим. авт.) с *Пхатти*?

Галя. *Да* (Телефонный разговор подруг. 2015);

(17) Данила Гальперович: *Почему люди, скажем, понимая, что что-то надо менять, и да, конечно, за это придется платить, выбирают брать на себя риск?* (<https://clck.ru/3BmWEn>);

(18) «Значит, так, — объявляет мой внутренний экспериментатор, — либо ты потерял сознание сразу после разговора, либо уже был без сознания и женщины правы. Возможно, ты в больнице (почему нет?), и их голоса — голоса медсестер, которые разговаривают о тебе. Никакая куртка никогда не исчезала просто так, поэтому постарайся прийти в себя. Ну?!» *Ну и да*. Открываю глаза: в своей постели, утро, а предыдущее — всего лишь сон. И куртка на месте... (А. Торгашев. Явление пропажи куртки. Кот Шредингера. 2016). Пример 18 иллюстрирует, между

³ В зарубежной лингвистике понятие «обратная связь», или «обратный канал связи», используют, например, при описании прагматического функционала некоторых дискурсивных маркеров, в частности англ. *yeah* [Fung, Carter 2007; Chapetón, Claudia 2009].

прочим, замечание И. Б. Левонтиной о том, что «очень часто два разных ну соседствуют в диалоге: одно сопровождает просьбу (в нашем случае скорее побуждение к самому себе. — Е. М., А. З.), а другое — согласие» [Левонтина 2022: 282].

Итак, интересующий нас комплекс используется в различных жанрах и типах речи, что может отражаться на его семантическом и функциональном наполнении (от выражения согласия конкретному собеседнику до выражения «согласия самому себе»). Безусловно, внимания заслуживают случаи формального варьирования комплекса с двукратным или даже многократным дублированием элемента, выражающего согласие (*и да-да / и да, да, ...*). Встречаются такие варианты нечасто, по сравнению со своим инвариантом, и, как правило, в эмоционально окрашенном дискурсе (см. пример выше).

С и да могут сочетаться разные «мелкие слова» (см. 18, 19), что, на наш взгляд, в целом разнообразит палитру разговорного экспрессивного синтаксиса.

(19) ...опять оказался первым, — упрямо повторил Натан, — **хотя и да: безоглядным и безрассудным** (<https://clck.ru/39dixR>).

В этой фразе-реплике, встраиваясь в противительную-уступительную конструкцию однородных членов предложения, *и да* сохраняет свою основную прагматическую функцию — быть средством усиления диалогичности речи.

В качестве заключения

Причины актуализации *и да* в современной русской речи в последнее десятилетие нам еще до конца не ясны. Однако выскажем предположение о том, что распространение *и да* как в письменной, так и в устной речи связано с калькированием английского оборота *and yes* или даже *and yeah*, более непринужденного и более прагматически нагруженного (см. об этом в [Fung, Carter 2007]), причем калькирование английских прототипов, по-видимому, произошло и в других языках, т. е. имеет интернациональный характер (ср.: исп. *y sí*; фр. *et ouais, et oui*; нем. *und ja*; фин. *ja joo, jajoo*). И кстати, нам известны факты языковой рефлексии по поводу новомодной кальки носителей и других языков. Так, немецкий публицист Ф. Шандль (F. Schandl) в одной из своих статей под названием «“Und ja”, — warum sagen das jetzt alle?»⁴ / «“И да” — почему это сейчас все говорят?»

⁴ URL: <https://www.derstandard.de/story/2000119223682/und-ja-warum-sagen-das-jetzt-alle> (дата обращения: 5.06.2024).

(перевод наш. — *Е. М., А. З.*) возмущается необоснованным и немотивированным, по его мнению, вхождением в немецкий язык фразы *und ja*.

Эти и другие подобные факты свидетельствуют не только о новизне оборота *и да*, но и о необходимости его дальнейшего изучения, в том числе в паре с коррелятом *и нет*.

Литература

- Баранов А. Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы *да*: материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. С. 33–48.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Троценкова Е. В., Горбунова Д. А., Зайдес К. С., Попова Т. И., Сулимова Т. С. Прагматические маркеры русской повседневной речи: количественные данные // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2021. С. 119–126.
- Гришина Е. А. *Да* в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. Vol. 35. P. 169–207.
- Интегрум: Архив СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://search.integrum.ru> (дата обращения 30.01.2024).
- Инькова О. Ю. Надкорпусная база данных как инструмент изучения формальной вариативности коннекторов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2018. Вып. 17. С. 240–253. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4560/_-dialog-2018scopus.pdf (дата обращения: 20.10.2023).
- Левонтина И. Б. Частицы речи. М.: Азбуковник, 2022. 430 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.02.2024).
- Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
- Прияткина А. Ф. (ред.). Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
- Сяоин Лю. Коннекторы с базовым компонентом «да» в современном русском языке: функционально-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019. 28 с.
- Chapetón C., Claudia M. The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom // Profile: Issues in Teachers' Professional Development. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009. № 11. P. 57–77.
- Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge, MA: Polity, 2017. 256 p.
- Fung L., Carter R. Discourse Markers and Spoken English: Native and Learner Use in Pedagogic Settings // Applied Linguistics. 2007. Vol. 28. № 3. P. 410–439.

References

- Baranov A. N. ["Isolative" and "event" meanings of the particle yes: materials for the study of the semantics and pragmatics of dialogue]. *Modeli dialoga v sistemakh iskusstvennogo intellekta. Uchenyye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Models of dialogue in artificial intelligence systems. Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu, 1987, pp. 33–48. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Yu., Troshchenkova E. V., Gorbunova D. A., Zaides K. S., Popova T. I., Sulimova T. S. [Pragmatic markers of Russian everyday speech: quantitative data]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Moscow, RSUH Publ. Hause, 2021, pp. 119–126. (In Russ.)
- Chapetón C., Claudia M. The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom. *Profile: Issues in Teachers' Professional Development*. Bogotá, Universidad Nacional de Colombia, 2009, no 11, pp. 57–77. (In Eng.)
- Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, MA, Polity, 2017. 256 p.
- Fung L., Carter R. Discourse Markers and Spoken English: Native and Learner Use in Pedagogic Settings. *Applied Linguistics*, 2007, vol. 28, no 3, pp. 410–439. (In Eng.)
- Grishina E. A. [Yes in Russian oral dialogue]. *Russian Linguistics*, 2011, vol. 35, pp. 169–207. (In Russ.)
- In'kova O. Yu. [Over-the-corpus database as a tool for studying the formal variability of connectors]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference "Dialogue"]. Moscow, 2018, issue 17, pp. 240–253. (In Russ.). Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/4560/-dialog2018scopus.pdf> (accessed 20.10.2023).
- Integrum: Media Archive*. Available at: <https://search.integrum.ru> (accessed 30.01.2024).
- Levontina I. B. *Chastitsy rechi* [Particles of speech]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2022. 430 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 02.02.2024)
- Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in a statement (based on the material of Slavic languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 170 p.
- Priyatkina A. F. (ed.) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of function words of the Russian language]. Vladivostok, DVSU Publ. Hause, 2001. 363 p.
- Xiaoying Liu. *Konnektory s bazovym komponentom "da" v sovremennom russkom yazyke: funktsional'no-semanticheskii aspekt*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Connectors with the basic component "yes" in modern Russian: functional and semantic aspect. Abstract Cand. phil. sci. diss.]. Vladivostok, 2019. 28 p.